

А. Шварцвейдер

Жара

Есть на свете такие города, где и поговорить-то не о чем. Например, Санта-Круз-де-Тенерифе. Сантакрузцы просыпаются при температуре плюс двадцать два, съесту переживают при страшном зное плюс двадцать восемь, а при двадцати трёх ложатся спать. Всё это время небо безоблачно. Ночью иногда идёт дождь.

И так круглый год.

Картина меняется редко-редко, только когда сильный ветер с Сахары приносит пустынную пыль. Тогда на несколько дней небо становится цвета старого серебра.

И это всё!

В этом городе невозможно говорить о погоде.

Поэтому там говорят о карнавале. Там круглый год говорят о карнавале, о знаменитых на весь мир «Похоронах сардинки», когда все мужчины города переодеваются в траурную женскую одежду (не всегда пристойную) и, изображая плакальщиц, огромной процессией через весь город провожают в последний путь исполинское рыбе чучело. Потом, рыдая, убиваясь и заходясь в конвульсиях и фотовспышках, они его поджигают, а дальше — фейерверк, выпивка и

гайки трауру. К кустам и подворотням лучше не подходить (по обеим причинам, о которых вы сейчас подумали). Всё это очень весело, можно говорить круглый год — о том, как прошли предыдущие похороны, и о том, кто и как готовится к следующим, и о том, кто во что нарядился, и кто какие коники выкидывал. Однако, поскольку в главном карнавальном действе участвуют только мужчины, они говорят об этом друг с другом. Иногда за пивом, чаще за вином.

Вино хорошее. Только хорошее. И его много. Но...

Ребята! Как в таких жёстких условиях можно познакомиться с приличной девушкой?

Ну?

А вот именно: никак!

Поэтому в городе Санта-Круз-де-Тенерифе три четверти браков совершаются между людьми, до того друг друга и в глаза не видевшими, а четверть — между двоюродными-троюродными братьями и сёстрами.

Лотерея своего рода. Канарская рулетка. Разводиться-то нельзя! Кромешный католицизм-с.

В остальном же — неплохой город. Тихий, уютный, зелёный.

Но вот с погодой ему не повезло. Вернее, повезло, но не так, как хотелось бы для полноценного общения.

Другое дело — Москва!

Где ещё говорить о погоде, как не в Москве? Где ещё вы можете, выйдя утром из дому в шортах и майке, вечером возвращаться вынужденными перебежками от магазина к магазину, чтобы за минуту-другую впитать чуток сомнительного тепла и стряхнуть с волос плохо тающие серые хлопья? Или наоборот — прогуливаясь морозным вечерком, вдруг угодить под дождь, капли которого мгновенно замерзают на вас, образуя прочный ледяной панцирь? Где ещё слова «метеоролог» и «жулик» считаются чуть ли не синонимами?

И, наконец, где ещё найдёте вы столько красивых девушек?

В Самаре? В Ростове? Увы — самые красивые девушки из Самары и Ростова как-то очень быстро и незаметно (просачиваются, может быть?) — оказываются в Москве. Только что вы её видели в Самаре — и в следующую секунду её там нет, а она уже давно в Москве.

Загадка природы. В смысле — природы.

* * *

К чему это я? Да только к тому, что в этот день, четырнадцатого мая совсем недавнего года, в Москве стояла невыносимая жара — тридцать четыре градуса. Или тридцать два, как меня

поправляют, заглядывая в архивные записи.

Но не решили ли мы совсем недавно, практически буквально только что: все метеорологи — жулики, так? «Тридцать два пишем, два в уме...» Зачем это им? Да откуда я знаю? Наверно, на всякий случай. Может, чтоб начальство не злить. Или для отчётности там, для лучшего соответствия ранее предсказанным результатам.

Мы же знаем, что нам говорят не всё. Вот если бы нам говорили всё!..

Да. Мы бы такое наворотили. Такое...

Вернёмся, однако. Москва, тринадцатое мая. Молодая листва. И — тридцать четыре.

В тени, между прочим.

Почувствуйте. Давайте даже отойдём в сторону — от оживлённых улиц, от пробок...

Чёрт. Там тоже пробка. И этот сизый дымок, он меланхолично покачивается над дорожным полотном — если смотришь издали, — и суетливо устремляется в горло, стоит только неосмотрительно подойти поближе.

А в ту сторону?

Не пройти. Перегородили, что-то строить будут.

Блин.

Обложили. Или даже, как любили цитировать сравнительно недавно: замуровали, демоны!

А на крышу?

Тут тоже жарко. Зной всплывает вдоль стен; завалявшийся в кармане чек на очередную оплату разговоров по мобильнику проскальзывает между пальцев, восходящий поток подхватывает его и, кувыркая и кружа, уносит в небо.

Но всё равно — останемся здесь, с крыши хотя бы видно дальше. И больше. Нет у людей привычки прятаться от взгляда сверху.

Не выработалась пока ещё. Может быть, когда-нибудь. А может, и обойдётся.

* * *

В Москву почти отовсюду можно доехать на электричке. Было бы время да терпение.

(Разве что из Калининграда нельзя. Ну, тут всё понятно.)

У Лёшки ни времени, ни терпения не было, тем не менее он ехал электричкой. Из Мурманска. Согласитесь, совсем рукой подать. Сутки до Петрозаводска по трассе на грузовике, а потом ещё полтора суток на электричках. Или полторы сутки? В общем, чуть побольше полутора суток. Двое с половиной в общей сложности, но если быть точным и дотошным, то трое без очень-очень малого.

Нет, ребята, Лёшка на самом-то деле торопился. И если бы у него была возможность, он

махнул бы в Москву на сверхзвуковом Су-27, которые до недавнего времени заправлял. Он *очень* торопился.

Почему?

А потому что Лёшка был дембель!

Даже если вы сами, читатель, никогда не были в дембелях, вы наверняка о них слышали, слышали вы и о необъяснимой временнОй аномалии, сопровождающей превращение обычного солдата в неподвластного официальным армейским законам. Аномалия же заключается в том, что последние месяцы службы тянутся для дембеля, словно густой кисель, где ничего, кроме крахмала и воды, в общем, и не найдёшь, и в течение этих месяцев ничего с дембелем не происходит — разве что он *сам*, без посторонней помощи сооружает (ваяет, производит, пишет, рисует и фотографирует) свой дембельский альбом, — а потом время начинает лететь вскачь, галопом, «москвичом», «джипОм», болидом «Формулы-один», и события рассыпаются горохом, на котором грех не поскользнуться.

И грех не поторопиться.

Но... в общем, не то что самолётом, а даже в сугубо плацкартном вагоне...и без постельного белья, подавитесь своим матрасом... ну, так получилось. Бывает. Не подумайте, ничего криминального. Просто... да нет, ладно...

Лёшка не любил вспоминать о глупых и

добрых делах, которые иногда совершал. Другие вон наоборот, вспоминают часто, хвастаются, иногда даже по телевизору — и ничего. А Лёшка — ну, такой вот он странный. И нам, например, даже нравится.

В результате пришлось ехать часть пути автостопом, а часть — электричками. Стоило это ему в общей сложности тридцать рублей, и ещё двадцать он оставил на путешествие по самой Москве. И ещё триста у него было в принципиально нескрываемой целевой записке. В существовании которой он не признавался даже самому себе, о которой заставил себя забыть намертво — до того момента, когда...

Чуть позже. Чуть-чуть позже.

Если бы Лёшка не допустил тех благородных безумств, которые допустил, если бы ехал он обычным поездом, как все нормальные люди, то прибывал бы сейчас на Ленинградский вокзал. А так — прибывал на Ярославский. Разницы-то, скажете вы — и будете почти правы. Тридцать метров один от другого...

Но иногда и несколько миллиметров решают жизнь человека. А тут — тридцать метров!

А главное — поезд пришёл бы рано утром, электричка же — почти в полдень. А это куда более существенная разница, чем какие-то жалкие тридцать метров.

Но Лёшка на самом деле ещё не приехал. Он ещё предвкушал. Он пританцовывал у открытого окна, дыша Москвой.

(Дыша раскалённой Москвой. Это после Мурманска-то!)

Вагон был ни пуст, ни полон: все сидели, кроме Лёшки, но свободных мест вроде бы не наблюдалось. А если они и прятались где-то, то всего-ничего, не стоит ни искать, ни пересчитывать.

Тамбурная дверь в дальнем конце вагона хлопнула, потом растянулся долгий вздох гармошки, и высокий, не очень трезвый, но когда-то в полузабытом прошлом почти профессиональный голос завёл:

Лохматый шмель — на душистый хмель,
Цапля серая — в камыши,
А цыганская дочь — за любимым в ночь,
По родству бродяжьей души...

Лёшка оторвался от окна и посмотрел. Невысокий мужичонка в коричневом помятом пиджачке и серой кепочке. Но играл и пел он как надо, как Лёшке хотелось, и парень даже стал подпевать (тихонько, под нос):

...где свирепая буря, как божья метла,

океанскую пыль метёт!..

Мужик допел, раскланялся и пошёл по проходу, подставляя кепочку вправо и влево, под медяки и редкие десятки. Пройдя весь вагон, он повернулся к Лёшке:

— А, солдат? Понравилась песня?

— Ага, — сказал Лёшка. — Нравится. Очень!

— М? — гармонист качнул кепочкой.

— Да нечем, — сокрушённо развёл руками Лёшка. — Дембель!

— Святое слово, — сказал гармонист. Он растянул меха.

...Не обижайтесь, девочки,
Ведь для солдата главное —
Чтобы его далёкая любимая ждала!

— Точно, отец! И теперь уже — совсем даже и не далёкая! Всего-то на Мосфильмовской! Совсем уже рядом!

Гармонист пристально посмотрел на Лёшку (глаза у него были небесно-голубые), потом кивнул, смял мешком кепку с вырубкой и пристроил под ремень.

— Тогда слушай, — сказал он. — Я спою тебе настоящее окончание этой песни. Его при коммунистах петь запрещалось...

смуглом запястье её, защищённом наручем из деревянных и кожаных браслетов, болтался на ремешке маленький пластмассовый фотоаппаратик.

— Сфоткай нас, а? На память?

Он обнял гармониста и сделал улыбочку. Аппаратик моргнул шторкой затвора и дважды чиркнул искоркой вспышки.

— Фотку подаришь? Когда увидимся?

Девушка чуть заметно пожала плечом.

«...наш электропоезд прибывает на станцию Москва...»

* * *

Вы хотите спросить, не я ли это был с гармошкой? Нет, не я. Это был Гусаков Фёдор Васильевич, сорок второго года рождения, бывший преподаватель музыки в педагогическом училище номер один города Белгорода. В Москве у него двоюродная сестра, у неё он и останавливается, когда приезжает на заработки. Фёдор Васильевич производит впечатление алкоголика, спившегося интеллигента, — но он не алкоголик. Он, что называется, со странностями. Он часто замирает и начинает к чему-то прислушиваться — к музыке, которую слышит только он. Эта музыка точит и мучает его, потому что он не в состоянии воспроизвести её...

Во всём прочем Фёдор Васильевич вполне заурядный человек.

* * *

Вика Колесникова ехала к отцу, по дороге весело и зло переживая окончание затянувшегося (и, надо сказать, с самого начала заладившегося как-то кривовато) романа. Вика жила на два города — на Ярославль и на Москву. Ярославль занимал несравнимо больше времени, Москва с куда большим отрывом лидировала по прикольности существования.

Предлогом поездки было: разузнать и разведать обстановку на фронте поступления в какой-нибудь (всё равно какой, лишь бы диплом давали) институт. В институт её подталкивала мать, в искреннем убеждении, что диплом — это наше всё. Сама Вика так не считала, работала после школы в салоне сотовой связи и получала втрое больше матери. Но ведь это! — вскидывала руки мать; она служила редактором на местной телестудии и никак не могла забыть о несостоявшейся карьере актрисы-субретки. — Но ведь это не *настоящая профессия* !!!

Вика делала вид, что соглашается. Это было проще всего: соглашаться и спокойно вести себя по-своему.

Не подумайте только, что Вика была легкомысленна; нет, она была вполне себе «мысленна», — просто легка. Она легко принимала решения и никогда не казнилась, если решения оказывались неверными. Легко снималась с места. Легко пыталась делать что-то новое, а если вдруг не получалось, и она понимала, что и не получится, — легко бралась за что-то другое, не тратя времени и сил на переживания.

Нет, право слово, Вика — очень славный человек.

Сейчас у неё завелось новое увлечение: репортажная фотография. Некоторое время она эксплуатировала «никон» своего френда (и этот «никон», лучшее, что обнаружилось в том несуразном «пацане», недели на две продлил их бессмысленную связь), а теперь, оставшись безоружной, но крайне раззадоренной перспективами, открывавшимися в видоискатель, купила на пробу дешёвенький «фуджик», все достоинства которого сводились приблизительно к одному: очень быстрому срабатыванию.

Для тренировки это было ровно то, что надо.

* * *

Отец жил неподалёку от Трёх вокзалов, на грохочущей Русаковской. Вика пробежалась туда

пешком, по дороге щёлкнув двух живописных старух с зонтиком и собачками. В скучной отцовской квартире она бросила в угол свою сумку, ополоснулась под душем — и отважно устремилась обратно, в стоячий уличный зной. Она уже знала маршрут...

* * *

Ой-ё!

Лёшка почесал подбородок. Он никогда не думал, что цветы могут стоять *столько*. Хорошо, тётка-цветочница оказалась понятливая, подобрала букет из уценёнки на заглядение — не знал бы — в жизни б не заподозрил, что уценёнка. Хорошие тюльпаны, уже распустились, и красная лилия посередине...

Но — пришлось отдать все деньги, и целевую заначку, и транспортные — все триста двадцать рэ. И топать пешком.

Ну и подумаешь. Какой-то час ходьбы. Всего-то навсего.

Держа обёрнутый газетой букет перед собой, он бодро зашагал...

* * *

Вика выбралась из длинного-предлинного подземного перехода — почти сразу на Красную

площадь. Её накрыла многоголосица: три или четыре экскурсовода, перекрикивая друг друга, на разных языках, но одинаково восторженно вбивали в своих подопечных необходимые знания о Кремле, Василии Блаженном, Лобном месте, Мавзолее и тайных подземельях Москвы.

Вика пощёлкала туристов, потом прошла вперёд, стала ловить объективом общий план, сделала шаг назад, ещё назад...

* * *

Ну, давай же! — мысленно подбодрил Дэни выбранного лоха, но лох не то чтобы не нагнулся, а демонстративно обошёл «куклу», да ещё и сплюнул. Да ещё и посмотрел на Дэни обещающим взглядом. Был лох вида обычного, лохского, и одет под нормального лоха, только вот взгляд...

Дэни бочком стопы, как бы случайно, отпнул «куклу» к газону, подобрал, сунул в карман.

Чёрт.

День обещал не задаться.

* * *

Тимати придерживался того же мнения: день определённо не задался.

Поскольку никто не предполагал наступления

жары, то сломавшийся в сентябре кондиционер в студии так и не отремонтировали; вызванные наспех мастера заявили, трезвые, злые, в отглаженных синих комбинезонах с красивыми эмблемами фирмы, долго рассматривали кондиционер с различных ракурсов (видимо, демонстрируя хозяевам судии, что тоже не лыком шиты, знаем, как глазки прищуривать), но больше ничего не сделали и ушли. Наверное, на конвульсион с более продвинутыми специалистами. А что — вполне логичное развитие сферы услуг: сначала по вызову приходит мастер-участковый, ставит первичный диагноз, вызывает мастера соответствующего профиля, ну там по электрике или по кувалде, тот даёт заключение, в сложных случаях обращается за помощью к коллегам, а то и к иностранным специалистам, и каждый, естественно, выписывает счёт...

А просто открыть окна оказалось нельзя, поскольку этой варварской операции конструкция рам не предполагала.

Запад есть Запад.

В конце концов сообразили, что в подсобке есть здоровенные вентиляторы, которыми создаётся студийный ветер.

С опозданием на полтора часа, вялые, варёные, недовольные жизнью, коллективом и вообще всем на свете — приступили с сессии.

И тут же погас свет. Ненадолго, на полчаса. Но этого хватило, чтобы злость начала выпирать наружу.

* * *

— Also, haben hier, die Damen und Herren, wir die Besichtigung des historischen Ensembles Der Roten Platz beendet. Jetzt können Sie frei spazieren, die Fotografien machen, die Souvenir kaufen. Wir treffen uns auf der diesen Stelle eben durch die Stunde!

Роза замученно улыбнулась туристам и выключила микрофон. Ей давно не попадалась такая тупая и бессмысленная группа. И это — учителя!.. это директора школ!..

Закат Европы уже произошёл, а мы и не знали...

В общей сложности вопросов её было задано шесть, но каждый — по сто одиннадцать раз.

Впору именно что *озвереть*.

Она дождалась, когда группа начала расходиться, повернулась и побрела в ГУМ — там было хотя бы прохладно.

* * *

Вика ощутила под босоножкой чью-то ногу, отёрнулась, стараясь переместить вес обратно, и

тут же её грубо толкнули в спину. Она ссунулась на колени, оперлась на руку... и всё бы ничего, да только вот мыльница, зацепленная ремешком за запястье, описала дугу и неприятно-хрустко впечаталась в бордюрный камень. Открылся лючок, вывалился плоский серенький аккумулятор.

Вика быстро накрыла его ладонью, спасая от чужих ног, потом оглянулась. От неё удалялся квадратный мужик в клетчатых шортах и гораздо более светлой, но тоже клетчатой, рубашке навывпуск.

— Гад, — сказала Вика в толстую надменную спину.

Спина осталась надменной.

Вика попыталась вставить аккумулятор на место, но он тут же выпал. Только с третьей попытки он задержался в гнезде.

С нажатием на кнопку «пуск» аппарат тихонько загудел — и это было всё. Экранчик остался тёмным.

— Ктхулку покарает тебя! — крикнула Вика вслед обидчику.

Клетчатый уже спускался в подземный переход.

На секунду стемнело. Вика посмотрела вверх. Но солнце уже вновь слепило глаза, как будто ничего и не произошло.

— Вот! — закричал Люк, фотограф. На самом деле его звали Игорем, а кличка Люк прилепилась к нему за то, что каждый раз, закумарив, он видел неприменный люк в полу. И говорил, что ему рано или поздно, а придётся туда спускаться. А там его *поджидают*. — Никакого гнилого гламура! Делаем грубый гангста-рэп! Понял?

— Понял, — мрачно сказал Тимати и потащил через голову шёлковую майку. — Ща сделаем... Бинты какие-нибудь есть?

— Найдём...

Нашли то, что надо — узкие эластичные. Тимати перебинтовал запястья, кулаки — белый бинт выгодно оттенял шоколадную кожу — сделал несколько нырков и уходов, чтобы раскрепостить мышцы, потом — провёл серию хуков и апперкотов, закончив добивание воображаемого партнёра (тот уже стоял-покачивался столбом и ничего уже не понимал, бедолага, только ронял кровавые сопли) красивым мощным свингом.

— Вот так, да?

— Да! — Люк заклацал затвором.

— А так?

— Да! Сделай Брэда Питта!

— А вот так?

— Да! Да! Да! Круши их, гнид! Давай! Сделай «Файт клаб»!

— На тебе «Файт клаб»! На тебе! Н-на! Н-на!

— А теперь Тайсона!

— Ща будет Тайсон! Ща будет такой Тайсон!

— Давай!!!

— Тогда намажьте меня маслом!

— Каким тебе ещё маслом?!! Зачем?

— Чики будут пищать, Люк! Ты хочешь, чтобы чики пищали? Тогда волоки масло!

Приволокли масло, и Тимати, уже и так лоснящийся от пота, заблестел совсем иначе.

— Убей его! — заверещал Люк.

— Х-ха... х-ха... х-х-ха!!! — Тимати убил противника. Тут же возник новый, и его он тоже убил. Потом ещё и ещё. Он танцевал, как Спартак среди павших легионеров Красса, скользя по горячей крови, его доспехи были разбиты и сваливались кусками на груды трупов, его меч бы иззубрен и давно сломан, и потому приходилось убивать голыми руками, но так было даже лучше, только так он мог утолить обуявшую его жажду крови — хрустом чужих костей под кулаками, предсмертными стонами и взвизгами, долетающими из-под ног, — а перед глазами вставал следующий враг, и Тим убивал его, и убивал следующего, и следующего, и вон того, рыжего...

— Хорош... — выдохнул наконец Люк и сел на пол, обессиленный — как будто это он выкладывался, а не Тимати. — Ну, ты дал

сегодня...

Тимати присел на табуретку.

— Нормально, да?

— Нормально... Не то слово! Я, не поверишь, перепугался.

— Почему не поверю? Поверю. Так как оно на сегодня? Хватит или ещё?

— А ты можешь?

— Типа!

— Ну, тогда... Тогда спой.

— Хоккей. Что бы ты хотел услышать?

— Да я бы лучше ничего... На твой выбор, в общем. Что хочешь. Ну, по местам?

Тимати чувствовал, что поймал кураж...

* * *

— Клетчатого видишь? — спросил Дэни, прижимая телефон к уху.

— Вижу.

— Начали.

* * *

— Какие-то проблемы?

Вика подняла голову. На неё смотрел *настоящий фотограф*. То, что это *настоящий фотограф*, можно было понять по трём висящим на

его шее аппаратам.

— Вот...

Вика на двух ладонях, как больного котёнка, протянула ему свой покалеченный фотик. Фотограф взял, посмотрел, аккумулятор вынул, подул зачем-то в аккумуляторное гнездо, аккумулятор вставил. Нажал на кнопочку, послушал. Потом поднёс бедолагу к самому глазу и заглянул в объектив.

И — вернул Вике.

— Уронили?

— Ударила. Понимаете, меня толкнули...

— В принципе, конечно, починить можно, — сказал он задумчиво. — Только стоять это ремонт будет больше, чем новый аппарат. Ладно, механику не сложно поменять, но ещё и объектив треснул. Только вы не расстраивайтесь, девушка, все «фуджики» — барахло. Очень быстро ломаются. В следующий раз покупайте «кэнон» или «пентакс»...

— Ага, — сказала Вика. — Со следующей полочки. Ну, спасибо, что сказали. Пойду, погуляю так. Может, оно и правильно. Когда с фотиком ходишь, то только и смотришь, что можно снять. А когда без фотика, то... то просто любишься.

— А вы откуда?

— Наполовину из Ярославля. А наполовину здешняя. У меня отец тут живёт.

— Это здорово. Ну, надоест гулять,

заглядывайте. Я всегда тут стою.

— Не скучно?

— Нет, — фотограф помотал головой. — Не всегда весело, это да. А скучно — это нет.

* * *

Лох клюнул.

Он буквально растопырился над «куклой», неуклюже озираясь. Потом стал приседать, немного выставив вперёд ногу — как бы для того, чтобы поправить носок, или вытащить камешек из туфли, или что-то ещё.

Дэни успел в последний миг. Присел рядом, подхватил «куклу», тоже оглянулся.

— Ты чё это тут поймал?

Морда клетчатого, сизо-багровая, налитая морда шангиста, на пределе сил выжавшего двести шестьдесят — и вдруг забывшего, что шангу можно опустить, обрела выражение, и этим выражением был страх.

— Ich verstehe nicht. Ich der ausländische Tourist.

— Вижу, вижу, что не наш.

— Der Ausländer. Ich existiere unter dem Schutz des germanischen Konsulates...

— Да я тебя и сам проконсультирую. Ну-ка...

Дэни отогнул краешек бумажной обёртки.

Из-под бумаги выглянул край денежной пачки. Где-то четыре-пять сантиметров в толщину. Стодолларовых купюр.

— Ух ты... — Дэни был, можно сказать, приятно удивлён. — Вау. Мы богаты, Билл! Тебя не Билл зовут? Ну и на хрен. Слушай, а тот мужик — наверняка мафиози. Мафия, понимаешь? Андестенд? Фершгейн? Ма-фи-я. Чечня. У них этих долларов...

— Mafia? Die organisierte Kriminalität?

— Да-да-да, криминалитет! Такой криминалитет, что... Слушай, надо эти бабки немедленно разбить... разменять, поменять... каррент эксчендж, фершгейн? Рубли, рубли! А потом мы это — напололам. Фифти-фифти. Окэй?

До клетчатого доходило медленно, но когда дошло, он обрадовался очень сильно. Можно сказать, весь засветился изнутри.

— Das Devisenwechseln? Gegen Rubeln einzutauschen?

— Да! Мафия-то будет доллары искать, верно? А рубли искать не будут! Всё, жди меня тут! Вэйт ми он хиэ!

Дэни решительно сунул «куклу» в карман... Нет, только попытался сунуть. Толстенная и очень сильная лапа вцепилась ему в запястье.

— Nein — nein! Ich weiss Sie, russisch! Wir gehen zusammen...

— Про Сусанина я тебе тоже много чего расскажу. Ты хочешь — чугезе? Два? — Он показал два пальца.

Клетчатый несколько раз кивнул. По морде его обильно тёк пот — будто где-то прорвало кран.

Дэни огляделся.

— Слушай! Два — нельзя. Цвай — ниht. Цвай — это сговор. Банда. — Он снова показал два пальца, а потом перекрестил их другими двумя, показав решётку. — Тюрьма. Гулаг. Ферштейн?

Клетчатый, кажется, ферштейн.

Дэни задумался.

— Давай так. Ты, — показал пальцем, — берёшь деньги, — показал пачку, — и идёшь делать эксчендж. Я, — показал пальцем, — жду здесь, — показал пальцем. — Ты, — показал пальцем, — мне даёшь, — показал пальцем, — это, это и это. Окей?

Показал Дэни на фотоаппарат, массивную золотую цепочку и часы.

Клетчатый кивнул и, пыхтя и отдуваясь, поволок с себя ремень фотоаппарата — дорогой зеркалки «кодак»...

* * *

Лёшку, как раз подошедшего к углу, чуть не смял здоровенный клетчатый мужик с раскалённой докрасна мордой. Он зацепил Лёшку плечом, потом

замахал рукой услужливо вильнувшему к тротуару жёлтому таксёру, упал на заднее сиденье и требовательно замахал рукой: гони, мол, гони, ямщик!.. Скорее к «Яру»!..

Лёшка хмыкнул про себя и, подрагивая от нетерпения, потопал дальше. Оставалось всего-то пять минут ходу.

* * *

— Это тебе, — делил Дёни, — это мне, это тебе, это мне...

— Так ты и лопатник попятил? — восхитился партнёр.

— Обижаешь, — сказал Дэни, на глазок доля не слишком толстую пачку тысячных. — Это тебе, это мне. Разбежались.

И они разбежались.

* * *

А вот такого облома Лёшка не ожидал. Вместо старой двери с кодовым замочком (и очень легко можно было расколоть этот секретный военный код, присмотревшись к кнопкам: которые чистые, те и надо нажимать) стояла другая, очень на вид солидная, с каким-то космическим пультом управления... и по закону подлости — Лёшка забыл

вдруг, какой номер у Верочкиной квартиры! Вот только что помнил, и вдруг забыл. Пятый этаж, налево от лифта...

Номер, сестра, номер!

Но в памяти зияла небольшая, с аккуратными краями, дырка.

В некотором охренении Лёшка отступил от двери на пару шагов (может быть, имея в виду разогнаться и таранить её плечом) — и воткнулся в живое и твёрдое.

— Прошу прощения...

— Ништяк.

Лёшка посмотрел. Оказывается, воткнулся он в парня налитого, на голову выше себя, в обтягивающей майке с эмблемой ЦСКА.

— Тебе войти?

— Ну да.

Парень приложил к блямбочке на пульте двери другую блямбочку, которую носил в кармане, дверь подумала секунду и, издав сложный космический звук, клацнула засовом.

Пропустив хозяина волшебного ключа вперёд, Лёшка вошёл в прохладу подъезда.

— Едешь? — спросил парень. Лёшка кивнул. Во рту пересохло.

Вскоре подошёл лифт. Оба вошли.

— Тебе какой? — спросил парень.

— Пя... кх... пятый.

Парень нажал кнопку.

— О, слушай, служивый! Может, ты скажешь. Вот такая цепочка для девушки — годится? Или как?

Он вытащил из кармана золотую цепочку, распялил. Лёшка, наклонив голову, присмотрелся. Цепочка была, пожалуй, неплоха — но уж слишком толста.

— Не знаю, — сказал он. — Смотря какая девушка.

(Лёшка имел в виду, конечно, размер девушки. Габариты, так сказать. Обхват.)

— **Во** девушка! — парень выставил большой палец. — Исполняет — ты не поверишь!..

Звякнув и скрежетнув, лифт стал. Они открыли дверь и вышли — оба.

Испытывая нарастающую неловкость (и, если честно, предчувствие надвигающейся катастрофы), Лёшка повернулся к Верочкиной двери...

* * *

Дядя Миша бросил взгляд в зеркальце. Пассажир на заднем сиденье, вальяжно развалившись, поглядывал по сторонам — можно сказать, победно. Будто он эту Москву уже купил всю — и даже с ним, с дядей Мишей.

Ну и хрен с тобой, немчуря. Тебе так нравится

думать — ты думай. Ты думай, думай...

Вообще дядя Миша в таксопарке слыл большим геополитиком.

Так, например, он был уверен, что именно сейчас и именно Россия через подставных лиц скупает по дешёвке старушку-Европу. А через десяток лет — нате, вот они, ваши акции, ваши долговые расписочки-то! И — пожалте бриться. Европа? Какая такая Европа? Ах, Европа!.. да вот она, вот она — можно сказать, намотана.

Так что, немец, ты по сторонам поглядывай, запоминай.

Будет что внукам рассказать. На картофельных плантациях. Они тебе: деда, а пошпрыхай, как ты в Маскау был. А ты им: а вы норму выполнили, киндерята? А они: выполнили, выполнили, ты пошпрыхай! Ну, ты сядешь поудобнее, ватничек запахнёшь, трубочку махоркой набьёшь...

Он снова кинул взгляд на беднягу. Тот чем-то шуршал в руках. Потом лицо немца как-то странно переменялось, из багрового стало белым в розовых разводах — цвета крабовых палочек. Глаза сошлись к переносице: похоже, пассажир что-то пристально рассматривал.

Подъехали к очередному перекрёстку, дядя Миша оглянулся:

— Что, снова гирать?

— Gerade, gerade! — махнул рукой немец.

— И куда мы едем? — пожал плечами дядя

Миша.

Но стоит ли спорить с пассажиром? Особенно если счётчик тикает.

«Тикает» — это, конечно, в переносном смысле. Наши счётчики не тикают. Они просто считают что-то там, внутри себя. И выдают циферки по возрастающей.

И надо будет платить.

* * *

Вика прогуливалась. То есть шла туда, куда несут ноги. Иногда они заносили её в такие неведомые и нехоженые края, что рассказать — никто не поверит. Но это надо полностью отключать голову.

Сейчас она отключать голову не хотела, просто расслабленно брела, глаза по сторонам. На пешеходном Лужковом мостике присела — полюбоваться. Отсюда даже безумного вида царь Пётр казался не таким уж безумным и даже похожим на произведение экзотического искусства...

Потом — просто так, без всякой надежды — она попыталась ещё раз оживить фотик. Всё-таки в нём что-то жужжало же ж!

Для чего может пригодиться такой вот тихо жужжащий предмет?

Да ни для чего.

Был порыв запулить покойничка в тёмные воды канала, но Вика решила вести себя экологично.

* * *

На ходу Дэни подвёл итог. Подбил, как говорится, бабки.

(Интересно, что выражение «подбить бабки» родилось за много тысяч лет до того, как словом «бабки» стали обозначать деньги. Бабки — это был такой игровой девайс. Типа фишек в казино. Другое дело, что ими же и играли. Играли в бабки. И на бабки же. Есть мнение, что именно из выражения «подбить бабки», то есть подвести итог игре, понять, выиграл ты или проиграл, и перешло на деньги обозначение «бабки».

Но к нашей истории эта историческая справка не имеет ни малейшего отношения.)

Итак: израсходовано две (прописью: две) однодолларовые бумажки, да ещё на шестьсот рублей закупленных прикольных календариков). Получено: фотоаппарат «кодак» где-то за шуку баксов (тут Дэни, не будучи специалистом, промахнулся), четырнадцать тысяч рублей налом,

четыреста евро налом, кредитная карточка. Выброшено в мусорную урну: хороший кожаный бумажник (тщательно протёрт о штаны) и бундесовский паспорт.

В общем, мы — в явном выигрыше. По очкам, разумеется. Так что день, похоже, налаживается.

* * *

Когда позвонили, Верочка решила, что это кто-то из соседей, — потому что, когда хотят войти с улицы, раздаётся совсем другой сигнал, а у кого надо, есть свои ключи. Поэтому она распахнула дверь, не спрашивая...

На площадке беззвучно и замедленно катались по россыпи тюльпанов, сцепившись, как коты, двое: Лёха... и другой Лёха. Оба Лёхи.

Верочка вообще-то в принципе знала, что эту коллизию рано или поздно придётся как-то разрешать, но она думала, что... как-то оно само. Типа, рассосётся.

Она закрыла дверь и подпёрла её спиной.

Потом снова резко открыла. Лёха в солдатский форме сидел на Лёхе в гражданской одежде и, тыча кулаком, пытался куда-то попасть.

Верочка закрыла дверь. Потом снова открыла. И закрыла, потому что взору её предстало ужасное...

— Тим, — сказал Серёжа через дверь, — иди, я тебе маечку погладил.

— Спасибо, — сказал Тимати, — сейчас...

Стилист Серёжа, даже *Серёженька*, был голубым до пугающего женоподобия. Серёженька не понимал — просто не мог постичь, — как нормальные люди могут увлекаться этими бессмысленными пустоголовыми существами противоположного пола. Вот как? Нет, он не понимал. Это же противоестественно, это же как с овцой какой-нибудь...

Тимати сильно волновал его.

Так что пришлось однажды при случае шепнуть ему на ухо пару слов, и своё трепетное волнение Серёженька старался больше не показывать. Но заботу всё равно проявлял.

Вот сегодня, например: просто со сладострастием размазывал и втирал масло в шкуру Тимати, прикрываясь интересами дела и требованиями искусства...

На что только не приходится идти ради хороших снимков. Например, на дружбу с визажистом. Слово-то какое неприличное.

Тимати вытерся, натянул джинсы и вышел из душевой кабинки. Взял майку, подмигнул Серёженьке:

— Считай, что я тебя обнял.

— Ты куда-то торопишься?

— Тороплюсь. С пацанами сегодня сходка. Дружбан из армии откинулся. Будем тусить... — и садистски добавил: — С чиками.

* * *

Лёшка кое-как добрёл до дому. Подбитый глаз заплывал, а настроение...

Ребята, ну скажите мне: какое, к чёрту, у человека может быть настроение в такой вот поганенькой ситуации? Пойти и повеситься? Идут и вешаются, да. Дураки, скажете вы — и будете правы, из-за прошмандовок, которые и ногтя настоящих-то пацанов не стоят! Из-за них, лахудр этих траченных, — в петлю?!!

Лезут. И лезут, и лезут...

И тем не менее — ситуация настолько типичная, настолько... настолько рядовая, что ли...

В общем, хорошо, что мужик ейный под руку подвернулся. Хорошо. Хорошо. Хорошо.

Долго она ему, гаду, компрессы прикладывать будет!

И так далее, и тому подобное...

Дом был в квартале от... от её дома... В квартале... Всё, забыли! Всё, я сказал!

Вот. Мой дом. И нет никаких других. Точка. Я

здесь живу. Меня здесь ждут и любят. Других не надо.

Лёшка был решительный человек. Только вот с девушкой ему не повезло.

Наверное, его громы и молнии были слышны издалека. Потому что на площадке перед дверью стояла — представьте себе, сестра Маришка! И смотрела вниз!

— Идёт! — заверещала она. — Идёт, идёт, идёт!

И скрылась в квартире.

* * *

Если вы успели подумать, что Дэни (он же Данька, Данила, Чуча и Дух) — профессиональный вор, аферист, лохотронщик и тэдэ, — то, смею вас уверить, вы поторопились с выводами. Зарабатывал он на жизнь, вкалывая сисадмином в нехилой такой фирме (именно в ипостаси сисадмина его и величали почтительно Духом). Экзерсисы наподобие сегодняшнего он позволял себе в рамках внутреннего проекта, который носил имя «Управление реальностью». То есть Дух полагал, что время от времени необходимо радикально менять пласт существования, иначе деградация и плесень настигнут тебя, разлагут... нет, не то, но ведь не разложат же? хотя и такой смысловой

вариант работает, в общем, накроют — и нет спасения.

То есть: необходимо уметь быть кем угодно, в любой ситуации интуитивно отыскивать выход, доводить спонтанность до абсолюта. Рассматривать мир как необитаемый остров, на котором тебе всё незнакомо. Открывать его заново, давать имена явлениям и предметам. Плыть в шторм.

Опять же — адреналин...

Впрочем, насилия он себе не позволял. Да и не хотелось. Гораздо сильнее забирало от работы мозгом.

Подходя к Лужкову мосту, он залюбовался на девушку, сидящую на ступеньках. Она сидела, вытянув стрункой одну ногу и сильно согнув в колене вторую — и, облокотившись о выставленное колено и подперев тылом кисти подбородок, смотрела вдаль. На запястьях красовались браслеты и фенечки, длинные волосы обжимал хайратник, в глазах серебрилась грусть. Причиной грусти мог быть маленький фотоаппаратик, лежащий на ступеньке рядом. Почему-то с первого взгляда становилось ясно, что аппаратик недавно помер.

И Дэни, легко подчиняясь движению души, снял с плеча «кодак» и повесил его на шею девушке. Она не поняла. И, пока она не поняла, он послал ей долгий воздушный поцелуй и заторопился дальше — уже не только довольный,

но и радостный.

Спонтанность вела его, и он всецело следовал за нею.

...А кроме того, боги удачи ценят, когда им приносят богатые жертвы, и — очень не любят алчных скряг.

* * *

Артур спустился в буфет, спросил стакан минералки, выпил, вернулся. Он чувствовал себя вялым, тяжёлым, разбитым; другим, говорят, в таком состоянии помогает кофе, особенно с коньяком, Артуру с кофе по жизни не повезло, он от любого кофе, хоть дорогого, хоть импортного, хоть молотого-варёного, становился нервным и злым, других эффектов не наблюдалось.

Это было проклятие всей жизни: на сцене его подхватывало и несло, по кабинетам же — пригибало к земле, лишало памяти, голоса, даже осанки.

Высунулась помрежка, по-мышачьи огляделась, дёргая носиком, махнула Артуру: идём, мол.

Он, тяжело волоча чугунные мокасины, покорно поплёлся за ней.

Идеальное амплуа: похмельный русский интеллигент...